

УДК 93/94

Некрашевич Ф.А., кандидат исторических наук, доцент, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ У ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (1831 – 1861 ГГ.)

Статья раскрывает особенности формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян Витебской губернии Российской империи в 1831 – 1861 гг. Ключевым отличием несения рекрутской повинности помещичьими крестьянами по сравнению с иными социальными группами являлась важная роль помещика при формировании рекрутской очереди. Помещичьи крестьяне в значительно меньшей степени регламентировались российским законодательством в данном вопросе. Объективными факторами, влиявшими на формирование рекрутской очереди, выступали количество рабочих рук в семье, законопослушность, а также материальное положение. Ключевым субъективным фактором являлась личность самого помещика и его личная заинтересованность в ведении хозяйства. Помимо самого помещика, формированием рекрутской очереди могли заниматься управляющий имением, староста или же сход сельских старшин. Кроме того, помещики нередко использовали рекрутскую повинность как инструмент решения своих финансовых проблем. В связи с этим, они пытались лоббировать отдачу дополнительных рекрутов за денежную компенсацию или же списание долгов перед государством. Самоуправство помещиков и даже откровенная жестокость вынуждали крестьян различными способами уклоняться от военной службы, а также писать жалобы местной администрации.

Ключевые слова: рекрутская повинность, Российская империя, Витебская губерния, рекрутская очередь, помещичьи крестьяне, рекрутские квитанции, жестокое обращение с крестьянами, взяточничество.
DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-72-83

Введение. Ключевой системой комплектования вооруженных сил Российской империи на протяжении XVIII ст. – 1874 г. являлась рекрутская повинность. Одной из характерных черт данной системы являлся ее сословный характер. Это означало наличие особенностей несения рекрутской повинностями отдельными социальными и этническими группами Российской империи: мещанами, евреями, государственными крестьянами и т.д. При этом наиболее острым вопросом, связанным с выполнением данной повинности, являлся выбор лиц, которые должны были поступить на укомплектование вооруженных сил. Подобный выбор осуществлялся посредством формирования рекрутской очереди. Под термином «рекрутская очередь» в российском законодательстве понимался порядок взимания рекрутов из семей в тех участках, которые

«отправляют рекрутскую повинность натурой» [33, Т. 4, Кн. 1, ст. 13, с. 8].

Наиболее многочисленной категорией населения, дававшей основную приток новобранцев, являлись помещичьи крестьяне. Данная статья посвящена особенностям формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян Российской империи на примере Витебской губернии. Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, введением Рекрутского устава 1831 г. (далее – Устав 1831 г.), с другой – отменой крепостного права в 1861 г., когда правовой статус помещичьих крестьян стал стремительно изменяться.

В российской историографии можно условно выделить две основные традиции изучения феномена рекрутской очереди. С одной стороны, как явления социальной истории, имевшее важное значение в повседневной жизни различных слоев населения: помещиков, мещан, различных

категорий крестьян и т.д. С другой стороны, как важный элемент системы пополнения вооруженных сил Российской империи. На наш взгляд, данная классификация вполне справедлива и в отношении исследований, посвященных рекрутской повинности помещичьих крестьян.

В исследованиях, посвященных комплексному изучению рекрутской повинности, процесс формирования рекрутской очереди в помещичьей деревне рассмотрен лишь частично. Так, в диссертации Ф.Н. Иванова, посвященной рекрутской повинности в северном регионе Российской империи, в силу специфики региона, тема помещичьих крестьян не затрагивается [5]. В работе Е.Л. Вакуловой в гораздо большей степени рассмотрены особенности формирования рекрутской очереди в участках государственных крестьян [3, с. 161–184]. Исследование В.Н. Горелова, посвященное карательной функции рекрутской повинности, также построено в основном на эмпирическом материале участков государственных крестьян [4, с. 59–79].

Роли рекрутской повинности в социально-экономической жизни помещичьей деревни рассмотрена в исследованиях В.А. Александрова, Д.А. Быкова, И.Д. Ковальченко, Л.С. Прокофьевой, В.А. Федорова [1, с. 241–293; 2, с. 156–162; 6, с. 178–179; 32, с. 151–157; 36, с. 241]. Среди них в контексте изучаемой проблемы наибольшее значение по праву имеет исследование В.А. Александрова. В своей монографии ему удалось детально описать механизм формирования рекрутской очереди в помещичьей деревне. Выводы автора аргументированы использованием внушительного массива статистических данных. Тем не менее, исследование В.А. Александрова и других упомянутых исследователей данной группы построено на анализе крупнейших помещичьих хозяйств центральных российских губерний. Как будет в дальнейшем показано в данной статье, формирование рекрутской очереди у

помещиков, имевших долги либо небольшое количество крестьян, имело свои особенности по сравнению с хозяйствами крупнейших землевладельцев империи.

Источниковой базой исследования послужило российское законодательство, посвященное регламентации проведения рекрутских наборов. В первую очередь это Устав 1831 г., а также его позднейшие редакции. Кроме того, в статье использованы ранее неопубликованные делопроизводственные материалы правительственных учреждений Витебской губернии. В основном они представлены жалобами со стороны помещиков и их крестьян на различные аспекты проведения рекрутских наборов. Данный вид источников позволяет раскрыть особенности формирования рекрутской очереди в помещичьей деревне.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является рекрутская повинность в Российской империи в 1815–1861 гг. Предметом исследования – формирование рекрутской очереди среди помещичьих крестьян Витебской губернии в 1815–1861 гг. В работе были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специально исторические (сравнительно-исторический, историко-генетический) методы. Применение сравнительно-исторического метода позволило выявить особенности формирования рекрутской очереди в помещичьих имениях по сравнению с участками государственных крестьян. Использование историко-генетического метода в изучении российского законодательства по теме исследования позволило выявить этапы в изменении государственной политики в отношении прав помещиков на формирование рекрутской очереди. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности, признания причинно-следственных связей событий и явлений.

Результаты и их обсуждение. В вопросе формирования рекрутской очереди помещичьими крестьянами белорусских

губерний можно условно выделить два этапа, которые обусловлены действием ряда нормативных документов. Первый этап (1793 – 1831 гг.) связан с действием «Генерального учреждения о сборе рекрут 1766 г.». Этот документ предоставлял по сути неограниченные права помещикам в формировании рекрутской очереди. Немногочисленные ограничения были обусловлены лишь запретом на продажу крестьян от одного помещика другому для отдачи в рекруты и отдаче на военную службу чужих крестьян [30, Т. 17, №12748, с. 997–1015]. Невмешательство властей неминуемо порождало произвол помещиков в жизненно важном для государства вопросе пополнения вооруженных сил. В связи с этим, на протяжении второго этапа (1831 – 1861 гг.) государство стремилось ввести некоторые ограничения в действия дворян. Эти изменения были отражены в Уставе 1831 г. и его позднейших редакциях.

Ключевым вопросом при отбытии рекрутской повинности являлся порядок определения рекрутской очереди. Устав 1831 г. гласил: «порядок очередей в участке крестьян помещичьих учреждается по усмотрению их помещика» [33, Т. 4, Кн. 1, ст. 132, с. 39]. В связи с этим, помещики сами определяли порядок составления рекрутской очереди. Если помещик самостоятельно не хотел заниматься формированием рекрутской очереди, он мог делегировать свои полномочия управляющему имением, крестьянскому старосте или же крестьянским старшинам. В случае, если отдачей крестьян на военную службу занимался управляющий имением, он выполнял всю техническую работу по формированию очереди. Тем не менее, формально приговор на отдачу в рекруты все равно утверждался собственником имения. Помещичьи крестьяне нередко подавали жалобы местным властям, полагая, что отдача в рекруты осуществлялась по воле управляющего. Подобную жалобу подавал крестьянин

помещика Витебского уезда барона Аша Тимофей Иванов. По словам Т. Иванова, его зять Иван Антонович был отдан в рекруты по усмотрению управляющего, а не помещика. Как выяснилось, помещик лишь расписался в приговоре на отдачу в рекруты крестьян, но сам не находился в имении [23, л. 3–3 об.]. Из-за этого у крестьян и возникло подозрение в произволе со стороны управляющего.

Еще одним исполнителем в вопросе формирования рекрутской очереди мог выступать крестьянский староста, который назначался помещиком и помогал ему в управлении имением. Например, в 1851 г. помещик Режицкого уезда Иосиф Бениковский доверил право формирования рекрутской очереди своему управляющему дворянину Александру Ленбичу. Последний делегировал это право крестьянскому старосте Андрею Петрову [21, л. 18, 20].

Небогатые помещики могли также доверить право сформировать очередь напрямую крестьянским старшинам. Так в 1848 г. поступил помещик Невельского уезда коллежский советник Евреинов. Крестьянские старшины утвердили рекрутскую очередь самостоятельно, а помещик лишь подписал необходимые документы [22, л. 5–5 об.]. Правда, сказать насколько распространенной была подобная практика достаточно сложно. Изученные документы позволяют предположить, что большинство землевладельцев предпочитали доверять ведение рекрутской очереди управляющим.

Наконец, если имение находилось в аренде, заниматься формированием рекрутской очереди мог арендатор. Например, помещица Витебского уезда Иозефина Бычковская отдала в аренду два фольварка дворянину Мальчевскому, который занимался в том числе вопросами рекрутского набора [15, л. 3–3 об.].

Вполне естественно, что помещики не были заинтересованы в отдаче своих здоровых, работающих и законопослушных

крестьян в рекруты. В первоочередном порядке на военную службу отдавались крестьяне, не представлявшие особой значимости для помещика. Российское законодательство поощряло подобные действия. Помещики, в отличие от мещан и государственных крестьян, имели право отдавать в рекруты крепостных в зачет будущих наборов в любое время «по непосредственному своему усмотрению» [33, Т.4, Кн. 1, ст. 376, с. 82]. Как правило, речь шла о лицах, характеризовавшихся «дурным поведением». Данная формулировка носила крайне расплывчатый характер и в целом характеризовалась как грубое нарушение лицом предписанных правил поведения. К подобным нарушениям относились: неуплата податей, воровство, пьянство, бродяжничество. Если же помещик хотел любой ценой избавиться от неудобного ему крепостного, но тот не подходил по возрастным требованиям (от 20 до 35 лет), то Устав предусматривал отдачу на военную службу без зачета помещичьих крестьян в возрасте от 18 до 40 лет.

Вслед за крестьянами «дурного поведения» следовали одинокие мужчины. Подобные крепостные, еще не женившиеся и не получившие собственного хозяйства, являлись подходящими кандидатами для отдачи на военную службу. Во-первых, их поступление на военную службу не влекло за собой обязанности помещика и общины по содержанию детей и жен новобранца. Во-вторых, отсутствие собственного хозяйства не влекло для помещика существенных экономических потерь. Так, в 1849 г. помещики Дрисненского уезда Станислав Кукель и Антон Маковский обращались к властям с просьбой о перемене отданных в рекруты крестьян. В своей аргументации они подчеркивали, что изначально планировали направить на военную службу «одинокого и не хозяина». Однако, выбранные ими люди скрылись и пришлось направить на службу домохозяев [18, л. 1–3].

Еще одной уязвимой категорией

крестьянства являлись дворовые. Распространенным способом расправы помещика с крепостными крестьянами являлось право землевладельца по собственной воле переводить своих крестьян в разряд дворовых людей [35, Т. 9, Кн. 1, ст. 966, с. 184]. Затем, дворового крестьянина можно было досрочно отдать в рекруты в зачет будущих наборов под предлогом совершения проступков или неуплаты податей. Так, в 1841 г. помещик Витебского уезда Петр Косов приказал перевести сына крестьянки Анны Лазаренковой Астафия в дворовые и отдать в рекруты. В витебском рекрутском присутствии Астафия забраковали ввиду проблем со здоровьем. П. Косов, заподозрив своего крепостного в умышленного симулировании заболевания, приказал «приготовить розги». В ответ Астафий, боясь телесного наказания, попытался перерезать себе горло [14, л. 7–7 об.]. В 1854 г. помещик Лепельского уезда Андрей Максимович воспользовался указанной схемой в отношении семьи крепостного Сергея Романова и его трех сыновей. Одного сына, Захара, А. Максимович отдал в рекруты в 1843 г. Двух других сыновей, Данилу и Федора, помещик отдал в рекруты в 1854 г. за «неповиновение и замеченную растрату имущества». Престарелого же отца, А. Максимович также перевел в дворовые, так как «по старости не мог содержать хозяйство» [26, л. 21–21 об.].

После поставки на военную службу нарушителей закона и одиноких крестьян наступала очередь семейных крестьян. В.А. Александров выделял три основных способа формирования рекрутской очереди в больших помещичьих хозяйствах: отбор из числа большесемейных крестьян, из числа малотяглых, а также отбор на основе всеобщего охвата повинностью мужского состава общины [1, с. 246–247]. Выбор того или иного подхода определялся волей самого помещика, экономическим положением имения, а также количеством и составом самих крестьянских семейств.

Например, в случае наличия значительного числа большесемейных крестьян, очевидно, помещик мог привлекать в основном подобных лиц к проведению наборов. Если в имении был ряд бедных семейств, которые были не в состоянии выплачивать подати, то тяжесть несения рекрутской повинности переносилась на них, а богатые семейства вносили за них все необходимые денежные взносы. Наконец, помещик мог формировать рекрутскую очередь на основе простой очередности от больших семейств к малым.

Практика отдачи единственных кормильцев в семействе была крайне обременительна не только для самих семейств, но и для помещика. Землевладелец, отдавая такого крестьянина в рекруты, должен был отдавать себе отчет в том, что на его плечи впоследствии падет содержание его ближайших родственников. Так, в 1855 г. крепостная крестьянка имения Крейцбург Динабургского уезда Ева Индрикова подала губернским властям жалобу на своего помещика барона Корфа. Беременная просительница, будучи матерью троих несовершеннолетних детей, жаловалась на отдачу в рекруты своего мужа. В своем объяснении барон Корф указывал, что «жена и дети будет обеспечиваться от имения содержанием» [29, л. 8–10]. Подобное негласное правило существовало и в других регионах Российской империи [1 с. 259].

В небольших имениях, в случае отсутствия годных к несению военной службы, помещики были обязаны вносить денежный взнос взамен поставки новобранца [33, Т.4, Кн. Ст. 319, с. 82]. Например, в 1842 г. с имения малолетних помещиков Лускиных Себежского уезда должен был быть поставлен один рекрут. Так как годных к военной службе в имении не оказалось, с помещиков была взыскана одна тысяча рублей ассигнациями [16, л. 1–1 об.]. Подобный инцидент произошел в 1850 г. в Лепельском уезде с помещиком Игнатом Жабой, у которого был лишь один

годный к военной службе крестьянин. Последнему удалось бежать и вовремя найти беглеца не удалось [19, л. 1]. В итоге с И. Жабой было взыскано триста рублей серебром [35, Т.4, Кн. Ст. 370, с. 80].

В связи с тем, что рекруты представляли крайне важный для государства человеческий ресурс, среди помещиков нередко звучали предложения поставлять дополнительных новобранцев государству в обмен на денежную компенсацию. Авторами подобных предложений, как правило, выступали лица, испытывавшие серьезные финансовые затруднения. Например, в 1834 г. помещица Лепельского уезда Виктория Недзвецкая имела денежную задолженность перед Санкт-Петербургским опекунским советом. Не располагая необходимой суммой, она обратилась к губернским властям с просьбой принять в рекруты одного из ее крестьян в счет уплаты недоимки [10, л. 4–5]. В том же году сразу несколько помещиков Велижского уезда обратились к витебскому гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Шредеру «объясняя бедное положение жителей потерпевших от неурожая хлеба и не имеющих возможности очистить числящуюся на имениях их недоимку податей и земского сбора» с просьбой «в зачет будущих наборов принять рекрут за означенную недоимку в тысячу рублей ассигнациями» [13, л. 1–2]. В подобных ситуациях помещики пытались отдать в рекруты крестьян из беднейших семейств, которые были не в состоянии прокормить себя.

С одной стороны, армия Российской империи испытывала постоянный некомплект и поступление дополнительных новобранцев было бы одобрено военным ведомством. С другой, систематическая отдача крестьян в рекруты подобным способом неминуемо привела бы к разорению помещичьих имений. Это прекрасно понимало и российское правительство, поэтому на законодательном уровне возможность отдачи помещичьих крестьян в зачет будущих наборов была ограничена [31, Т.

20, №19038, с. 417]. Кроме того, массовая продажа помещичьих крестьян в рекруты государству шла в разрез с идеей защиты Отечества посредством многолетней усердной службы в рядах вооруженных сил. На это, в частности, в своем ответе вышеупомянутым помещикам Велижского уезда указывал губернатор Н.И. Шредер, говоря о том, что продажа крестьян в рекруты «не соответствует правилам человеколюбия» [13, л. 2].

В случае, если помещикам не удавалось решить свои финансовые проблемы, имение помещика целиком или частично могло перейти под временный контроль органов дворянской опеки. В таком случае правила формирования рекрутской очереди менялись. [34, Т.10, Ч. 1. Ст. 196 – 229, с. 43–52]. В случае, если часть владений находилось под опекой, помещик терял право исключительно по своей воле формировать рекрутскую очередь. В данном случае он был обязан поставлять рекрутов по уравнительному принципу. Это означало, что с части имения, находящегося под опекой, могло быть поставлено количество новобранцев, соразмерное от общего числа душ во всем имении [33, Т.4, Кн. 1, Ст. 144, с. 39].

Тем не менее, практика отдачи в рекруты крестьян из имений, частично состоявших под опекой за долги, показывает, что губернская администрация придерживалась позиции сохранения в целостности находящейся под опекой части и перекладывания обязанности по поставке рекрутов на помещика-должника. В 1834 г. с подобной проблемой столкнулся помещик Витебского уезда Илья Любоцинский. Из 278 душ, числившихся за ним по ревизии, 243 находились под опекой под управлением пяти помещиков. Несмотря на то, что у И. Любоцинского осталось лишь 35 душ, он обязан был поставить с оставшейся в его распоряжении части имения всех двух рекрутов, требуемых в качестве недоимки по 98-му набору 1833 г. [12, л. 2–2 об., 5–6].

В свою очередь помещики старались сдать в рекруты крестьян из имений, состоящих под опекой ради сохранения ресурсов, а также из чувства мести. В 1831 г. в Режицком уезде крестьяне имения Орехово помещика Фердинанда Лукашевича, обратились с жалобой к губернским властям на своего владельца, обвиняя его в жестоком обращении. Претензии крестьян были признаны справедливыми и имение было передано в опеку. Ф. Лукашевич решил отомстить своим крестьянам. Он явился в имение Орехово с дворовыми и насильно «взял 6 человек, в том числе 4 хозяев, и доставил в кандалах» в рекрутское присутствие. Ф. Фердинанд объявил чиновникам присутствия, что в знак «усердия и приверженности государю императору жертвует для пользы Отечеству рекрутов». В ходе проведенной проверки выяснилось, что Ф. Фердинанд пытался отдать в рекруты именно тех крестьян, которые жаловались на жестокое обращение. В результате в принятии новобранцев помещику было отказано [9, л. 16, 19, 24].

Как мы видим, помещики, согласно российскому законодательству, действительно имели широкую свободу действий при формировании рекрутской очереди. Тем не менее, даже при наличии такой комфортной правовой регламентации нередкими были случаи нарушения помещиками положений Устава 1831 г. ради сохранения рабочих рук в имении. В основном подобные действия объяснялись желанием помещика направить на военную службу конкретного крестьянина, который по возрасту или состоянию здоровья не соответствовал предъявляемым требованиям. Например, в 1850 г. помещик Полоцкого уезда Грибницкий пытался сдать в рекруты своего крепостного Григория Демьянова. Вместо предоставления необходимого по закону метрического свидетельства, удостоверяющего возраст новобранца, помещик указал возраст Г. Демьянова (34 года) на основании

свидетельств третьих лиц. При последующей проверке выяснилось, что реальный возраст новобранца составляет 39 лет и он был забракован рекрутским присутствием [20, л. 1, 3–4 об.]. При проведении 13-го набора с западной полосы и общего набора 1855 г. помещик Люцинского уезда Паулин сдавал рекрутов, не соответствовавших необходимым возрастным критериям. При проведении 13-го набора с западной полосы – двух рекрутов 18 лет, а при проведении общего набора 1855 г. – одного рекрута старше 35 лет [28, л. 3–5].

Некоторые помещики до конца пытались доказать чиновникам рекрутского присутствия, что их негодные по возрасту или здоровью крепостные все-таки способны к военной службе. В 1855 г. помещики Суражского уезда Эдуард Бычковский, Велижского уезда Константин Свольский и Константин Кавецкий обратились с жалобой к Белорусскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Михаилу Александровичу Урусову с жалобой на витебское рекрутское присутствие, забравшее их крестьян. В своем объяснении чиновники присутствия указали на заболевания и физические особенности, указывавшие на очевидную негодность к военной службе: сутуловатость и искривление позвоночника, венерическая болезнь и низкий рост [11, л. 3]. При проведении 13-го набора 1855 г. с западной полосы всего по Витебской губернии было выявлено 12 рекрутов, чей возраст превышал 35 лет. При этом все они были поставлены из помещичьих участков [27, л. 1].

Встречались единичные случаи, когда помещики шли на совершение серьезных преступлений в целях уклонения от рекрутской повинности. Так, в 1831 г. в Витебской губернии возник серьезный скандал, потребовавший вмешательства самого императора Николая I. Помещик Динабургского уезда коллежский асессор граф Франц Молль отдал приказ управляющему своего имения Бальцеровичу отыскать постороннего человека и

наильно отдать его в рекруты под видом своего крепостного. Жертвой подобного распоряжения стал крестьянин полоцкого греко-униатского архиепископа Якуба Мартусевича Терентий Ануфриев. Он официально получил разрешение на отлучку в целях заработка в Динабургском уезде, где и был схвачен людьми графа Молля. Впоследствии он две недели находился в тюремном заточении в имении графа, где управляющий бил его и угрожал физической расправой в случае, если тот откажется повторить в рекрутском присутствии, что является крепостным Ф. Молля. Тем не менее, Т. Ануфриев все рассказал чиновникам присутствия. Император Николай I распорядился, «уважая добропорядочную службу графа», а также его преклонный возраст, взыскать с нарушителя лишь крупный денежных штраф [8, л. 8, 19].

Рассмотренные выше примеры красноречиво демонстрируют, что помещики Витебской губернии (в первую очередь небогатые) нередко нарушали закон, а порой и шли на откровенную жестокость в отношении крестьян при проведении рекрутских наборов ради получения личной выгоды. С другой стороны, крестьяне в целях уклонения от военной службы также шли на различные ухищрения. Среди действий помещичьих крестьян по уклонению от рекрутской повинности можно выделить наиболее распространенные: побег, членовредительство, попытки самоубийства, а также жалобы на действия помещика в отношении государственных органов.

В своих действиях по уклонению от рекрутской повинности помещичьи крестьяне, как правило, были ограничены как в финансовых возможностях, так и в знании российского законодательства. В связи с этим, наиболее распространенным способом избежать рекрутчины являлся побег. Идея заключалась в том, чтобы скрыться от помещика на время проведения рекрутского набора.

Подобная стратегия была наиболее проста в исполнении, так как не требовала серьезных финансовых затрат. Как правило, крестьяне скрывались у родственников и знакомых крестьян из других деревень, где они помогали по хозяйству в обмен на еду и крышу над головой. Например, в 1849 г. крестьяне Витебского уезда помещицы Хребтовичевой Прохор Миронов и Степан Павлов скрывались от рекрутчины у крестьян помещика Ульяновского в том же уезде [17, л. 1–2].

Некоторые крестьяне настолько не хотели поступать на военную службу, что были готовы на самые отчаянные поступки, включая членовредительство и даже суицид. Членовредительство давало определенную надежду избежать рекрутчины и вести полноценную жизнь в качестве члена местной общины. Перед членовредителем стояли две основные задачи. Во-первых, нанести себе травму, несовместимую с несением службы, но при этом не превращающую мужчину в калеку. Во-вторых, сделать все возможное, чтобы местная община и представители властей поверили в непреднамеренный характер травмы [7]. Тем не менее, подобное удавалось далеко не всегда. Согласно российскому законодательству, помещики и общины имели право получения зачета за членовредителя при условии своевременного обращения в полицию и проведении соответствующего освидетельствования врачом.

Попытки самоубийства были тесно связаны с побегами от рекрутчины. Пойманые беглецы, доведенные до отчаяния перспективой поступления на военную службу, нередко были готовы на самые отчаянные поступки. Так, крепостной помещика и предводителя дворянства Городецкого уезда Осипа Любощинского Самуил Трехов узнав, что его хотят забрать в рекруты, скрылся. Крестьянами О. Любощинского удалось найти беглеца. С. Трехов осознав, что ему уже некуда бежать, «разрезал себе брюхо и горло» [25, л. 1–2].

Желание получить свободу нередко порождало появление среди крестьян историй о том, что они или их предки получали вольную согласно неким документам, которые были утеряны или умышленно скрывались помещиками. Так, в апреле 1854 г. дворовая крестьянка помещика Невельского уезда Степана Азанчевского Мария Карчевская обратилась с жалобой в Министерство юстиции Российской империи. По версии крепостной, ее отец Егор Карчевский получил вольную от отца Степана Азанчевского Демьяна. В благодарность за это крестьянин остался при своем помещике и продолжал честно служить ему до самой смерти. После смерти Д. Азанчевского отпускной акт был «случайно утрачен» и по принуждению помещика все семейство по ревизским сказкам вновь приписали к крепостному состоянию. Более того, по словам просительницы, брат покойного Е. Карчевского «скованный и связанный» был отдан в рекруты С. Азанчевским за то, что узнал тайну об утерянном документе. Следствие не подтвердило жалобу М. Карчевской [24, л. 5–5 об., 28].

Заключение. Эволюция рекрутской повинности в XIX ст. в первую очередь была связана со стремлением правительства постепенно взять под свой контроль все этапы отбора новобранцев в российскую армию. Это привело к последовательной регламентации формирования рекрутской повинности среди мещан и государственных крестьян Российской империи. Тем не менее, подобная политика в значительно меньшей степени затронула помещичью деревню. Государство признавало право власти помещика над крепостными во всех сферах жизни, не исключая и вопросы формирования рекрутской очереди. Ограничения со стороны законодателя в данном вопросе были направлены в первую очередь на прекращение практики отдачи крепостных на военную службу в целях личного обогащения. Принципы формирования

рекрутской очереди продолжали определяться личными качествами самого землевладельца: его вовлеченностью в управленческую деятельность имением, материальной обеспеченностью, личностными характеристиками. В целом,

особенности формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян свидетельствовали о нежелании правительства вносить существенные изменения в систему крепостного права в рассматриваемый период.

Список литературы

1. Александров В.А. Сельская община в России (XVII–начало XIX в.). Москва: Наука, 1976. 323 с.
2. Быков Д. А. 2005. Помещик и крестьянин в России XVIII–первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством: Дисс. канд. ист. наук : 07.00.02. Москва, 2005. 277 с.
3. Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. Ист. наук : 07.00.02. – Тамбов, 2007. 219 с.
4. Горелов В.Н. Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь: Телескоп, 2015. 224 с.
5. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Сыктывкар, 2006. 220 с.
6. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 400 с.
7. Некрашевич Ф.А. Борьба с членовредительством как способом уклонения от военной службы в Российской империи (1757–1874 гг.) // Вестник ВоГУ. Серия: Исторические и филологические науки. Вологда. 2024. № 3 (34). С. 17-22.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5406
9. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5740.
10. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 8152.
11. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 28029.
12. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8234.
13. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8308.
14. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8976.
15. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9339.
16. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9663.
17. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 18632.
18. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 18801.
19. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 20333.
20. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 20511.
21. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 21944.
22. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 22117.
23. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 24091.
24. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26053.
25. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26746.
26. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26808.
27. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 27859.
28. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 27861.
29. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 28033.
30. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1851. Собр. 1. Т.

17. 1137 с.

31. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1884. Собр. 2. Т. 20. 1046 с.

32. Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII–первой половине XIX в.: (на материалах вотчин Шереметевых). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 215 с.

33. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. 4: Устав рекрутский. 1832. С. 1–132.

34. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. 10: Свод законов гражданских и межевых. 1832. 1225 с.

35. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1842 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. Т. 9: Свод законов о состояниях. 1842. 569 с.

36. Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района. России конца XVIII – первой половины XIX в. Москва: МГУ, 1974. 305 с.

FEATURES OF THE FORMATION OF A RECRUITMENT QUEUE AMONG LANDLORD PEASANTS USING THE EXAMPLE OF VITEBSK PROVINCE (1831 – 1861)

The article reveals the features of the formation of the recruitment queue among the landowner peasants of the Vitebsk governorate of the Russian Empire in 1831 – 1861. The key difference in the performance of recruitment duty by landowner peasants in comparison with other social groups was the key role of the landowner in the formation of the recruitment queue. Landowner peasants were much less regulated by Russian legislation in this matter. The objective factors that influenced the formation of the recruitment queue were the number of workers in the family, law-abidingness, and financial situation. The key Subjective factor was the personality of the landowner himself and his personal interest in running the farm. In addition to the landowner himself, the formation of the recruitment queue could be done by the estate manager, the headman, or the meeting of village elders. In addition, landowners often used recruitment duty as a tool to solve their financial problems. In this regard, they tried to lobby for the release of additional recruits for monetary compensation or the write-off of debts to the state. The arbitrariness of landowners and sometimes outright cruelty forced peasants to evade military service in various ways, as well as write complaints to the local administration.

Keywords: conscription, Russian Empire, Vitebsk governorate, recruitment queue, landlord's peasants, recruitment receipts, exploitation of peasants, corrupt practices.

References

1. Aleksandrov V.A. (1976) *Sel'skaja obshhina v Rossii (XVII–nachalo XIX v.)* [Rural community in Russia (17th – early 19th century)]. Moscow: Nauka. 323 s.

2. Bykov D.A. (2005) *Pomeshchik i krest'yanin v Rossii XVIII – pervoj chetverti XIX vv.: k probleme patronirovaniya i upravleniya hozyajstvom* [Landowner and peasant in Russia in the 18th – first quarter of the 19th centuries: on the problem of patronage and management of the economy]: Dissertation ... candidate of Historical Sciences, Moscow. 277 s.

3. Vakulova L.E. (2007) *Rekrutskie nabory v Tambovskoi gubernii v XIX v.* [Rekrutskie nabory v Tambovskoi gubernii v XIX v.]. Dissertation ... candidate of Historical Sciences, Tambov, 219 s.

4. Gorelov, V.N. (2015) *Karatel'naya funkciya rekrutchiny v Rossii 1705–1874 gg.* [Punitive function of recruitment in Russia 1705–1874]. Sevastopol: Teleskop. 224 s.

5. Ivanov O.G. (2006) *Rekrutskaya povinnost' naseleniya Rossii v 1831–1874 godakh:*

na materialakh Evropeiskogo Severa [Recruitment of the Russian population in 1831–1874: based on materials from the European North], Dissertation ... candidate of Historical Sciences, Syktyvkar. 220 s.

6. Koval'chenko, I.D. (1967) Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoj polovine XIX v. [Russian serf peasantry in the first half of the 19th century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 400 s.

7. Nekrashevich, F.A. Bor'ba s chlenovreditel'stvom kak sposobom ukloneniya ot voennoj sluzhby v Rossijskoj imperii (1757 – 1874) [The fight against self-mutilation as a method of avoiding military service in the Russian empire (1757–1874)]. *Vestnik VoGU. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 2024. № 3 (34). S. 17–22.

8. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus]. F. 1297. Op. 1. D. 5406.

9. NIAB. F. 1297. Op. 1. D. 5740.

10. NIAB. F. 1297. Op. 1. D. 8152.

11. NIAB. F. 1297. Op. 1. D. 28029.

12. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 8234.

13. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 8308.

14. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 8976.

15. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 9339.

16. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 9663.

17. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 18632.

18. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 18801.

19. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 20333.

20. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 20511.

21. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 21944.

22. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 22117.

23. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 24091.

24. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 26053.

25. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 26746.

26. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 26808.

27. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 27859.

28. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 27861.

29. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 28033.

30. The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoi imperii]. (1830) Saint Petersburg. Collection 1. Vol. 17. 1137 s.

31. The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoi imperii] (1830) Saint Petersburg. Collection 2. Vol. 20. 1046 s.

32. Prokof'eva, L.S. (1981) Krest'yanskaya obshchina v Rossii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v.: (na materialah votchin Sheremetevyh) [Peasant community in Russia in the second half of the 18th - first half of the 19th century: (based on the materials of the Sheremetev estates)]. Leningrad: Nauka. 215 s.

33. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj [Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the State Emperor Nikolai Pavlovich:]. (1832) Saint Petersburg. Vol. 4. 121 s.

34. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj [Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the State Emperor Nikolai Pavlovich:]. (1832) Saint Petersburg. Vol. 10. 1225 s.

35. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj [Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the State Emperor Nikolai Pavlovich:]. (1842) Saint Petersburg. Vol. 9. 569 s.

36. Fedorov V.A. (1974) Pomeshchich'i krest'yane Central'no-promyshlennogo rajona. Rossii konca XVIII – pervoj poloviny XIX v. [Landlord peasants of the Central Industrial Region. Russia of the late 18th – first half of the 19th century]. Moscow: MGU. 305 p.

Об авторе

Некрасевич Филипп Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Республика Беларусь), E-mail: filippnekrasevic@gmail.com

Nekrashevich Pilip Anatolievich – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Ideological Work Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Republic of Belarus), E-mail: filippnekrasevic@gmail.com